
M.A. Hunter
Виктория
Тайны Салема XVII века
18+

M.A. Hunter

Виктория. Тайны Салема XVII века

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73084138
SelfPub; 2026

Аннотация

«Тайны Салема XVII века» – мрачный исторический мистический роман о страхе, власти и лжи, прикрытой верой. Виктория возвращается в Салем после долгих лет отсутствия – по тревожному письму дяди, единственному родному человеку. Она приезжает в город, живущий на грани истерии. Люди исчезают. Детские «припадки» объявляют знаком дьявольского вмешательства. И чем глубже Виктория погружается в тайны прошлого, тем яснее становится, что её появление в городе – не случайность.

Содержание

Пролог	5
Глава1	7
Глава2	11
Глава3	17
Глава4	23
Глава5	29
Глава6	35
Глава7	41
Глава8	47
Глава9	53
Глава10	58
Глава11	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

M.A. Hunter
Виктория. Тайны Салема XVII века

Виктория
ТайныСалемаXVIIвека

Пролог

Вторая половина XVII века стала для Новой Англии временем тревоги и неопределённости. Колонии расширялись, но вместе с этим росли страхи: голодные зимы, болезни, неустойчивые законы, напряжённые отношения с коренными племенами. Люди жили в условиях, где любое необычное явление легко могло показаться угрозой.

Салем, небольшой посёлок в Массачусетском заливе, был одним из таких мест. Он состоял из строгих пуританских семей, для которых дисциплина и религиозные правила были основой выживания. Любое несоблюдение норм воспринималось как грех, а всё непонятное – как возможное вмешательство нечистой силы.

Общественная структура была простой: мужчины занимались ремёслами и защитой общины, женщины – хозяйством, воспитанием детей и соблюдением церковных предписаний. Любая девушка, обладавшая яркой внешностью, независимым характером или смесью ума и наблюдательности, могла вызвать подозрения. Пуритане верили, что дьявол выбирает именно тех, кто выделяется.

Обвинение в колдовстве не требовало доказательств в современном смысле. Достаточно было слуха, странного поведения или личной неприязни. Свидетельства детей и подростков принимались наравне с показаниями взрослых. Су-

дебные процедуры были быстрыми, а наказания – жестокими. С 1692 по 1693 год в Салеме и окрестностях были арестованы более ста человек. Двадцать были казнены.

Этот период вошёл в историю как «Салемская охота на ведьм» – один из самых мрачных эпизодов в жизни колониальной Америки, где страх оказался сильнее разума, а обвинение могло стоить жизни.

Глава1

Дорога в Салем тянулась уже третий день. Каждая миля давалась хуже предыдущей. Я не была там с тех пор, как мне исполнилось пять. Тогда моя мать Элизабет увезла меня из родного дома. Мои воспоминания о городе и жизни там были смутными. Все как во сне. Единственное, что я хорошо запомнила, так это то, что мы бежали из Салема так быстро, что оставили в нашем старом доме больше половины вещей. Мы перебрались в ближайших городок Конкорд, где жил мой отец – Джонатан. Они с матерью расстались почти сразу после моего рождения, и отец уехал на заработки. По словам моей Элизабет, у него не получалось добиваться успеха в мореходстве и рыболовстве, а потому он решил попробовать себя в ином ремесле в соседнем городе. Все это было так странно для меня, что тогда, что сейчас. Когда я пыталась узнать у матери истинную причину их столь долгого разрыва, а так же задавалась вопросами о нашем беглом переезде из Салема, у нее был один ответ: « Мы больше не могли там жить и содержать наш скот, а твой отец уже достаточно хорошо устроился на новом месте». Конечно же я не верила в ее слова, ведь все то время, что мы обустраивались в доме Джонатана, он смотрел на меня и на мать словно с неким призрением. Он общался со мной так, словно я сделала что-то ужасное. Его голубые глаза были полны печали каждый

раз, когда он поднимал свой взор на мать. С каждым прожитым годом я все больше и больше привыкала к домашней, напряженной атмосфере. И лишь где-то в глубине своей души я тщетно пыталась найти ответы на свои вопросы. Мне так же волновал всегда и тот факт, что мы с мамой никогда не посещали церковь по воскресным дням. Хотя это был достаточно важный обычай в Северной Америке. Но когда я пыталась узнать ответ на свой вопрос, получала лишь тишину и многозначительные вздохи. Меня раздражал тот факт, что Элизабет даже не старалась позаботиться и придумать хоть какой-то ответ. Ей хотелось, чтобы я не думала, не размышляла, не копалась в себе и своей истории.

Друзей я так и не смогла найти в Конкорде, так как я была единственным ребенком в округе, кто не ходил в воскресную школу. Когда я шла по улицам нашего города, все тыкали в меня пальцем и шептались на каждом шагу. Я не понимала почему они так жестоки, не понимала, что во мне не так. С этими вопросами я естественно приходила к матери, так как в детстве все мы думаем, что родители знают все, а мы не знаем ничего. Мама всегда говорила мне : « Виктория, ты просто красива и им этого не понять, ведь они обыкновенные европейские уродцы. Они страшны и снаружи, и внутри. Им не понять твоей красоты. А все, что людям чуждо и не понятно, все, что является для них загадкой и отличаем от предусмотренной обществом нормы- вызывает у них страх и отчуждение.» У меня действительно была необычная внеш-

ность и я все время выделялась на фоне остальных : длинные, струящиеся, волнистые, белые волосы; идеальная светлая, словно фарфор кожа и ярко зеленые глаза, которые светились янтарным цветом.

Сейчас мне 21 год. И я возвращаюсь туда, где начала свою жизнь, туда откуда моя мать бежала, туда где остался единственный близкий мне человек… Мой дядюшка Томас. Он написал мне письмо около недели назад. После смерти родителей, мы часто вели с ним переписку, в которой он уговаривал меня переехать к нему. В Конкорде я осталась совершенно одна. Когда мне только исполнилось 18, наш город заполнила чума. Она выкосила множество семей, включая и моих родителей. Отец ушел первым. Он страдал, о боги, как он страдал. Горячка мучала его целыми днями. Он бредил и редко приходил в сознание. Болезнь сожгла его за пару недель и он умер в грязном бреду своего сознания. Мать продержалась дольше. Она ухаживала за Джонатаном каждый день. Я очень боялась за нее. Я умоляла ее оставить отца на лекарей, но она так сильно его любила, что не смогла оставить, даже когда сама оказалась на пороге смерти. Спустя месяц силы стали покидать Элизабет, организм ослаб. Я предполагаю, что ее подкосила так смерть отца. Она всегда была очень сильной женщиной. У нее был сильный организм, и она никогда не болела, как и я. Элизабет часто говорила, что передал мне свой «защитный дар» от всех болезней мира. Но в тот момент, когда отец покинул наш мир,

душа моей матери ослабла, а вместе с ней и ее «защитный дар». Боль от утраты потихоньку уничтожала мою мать, итак прожив около недели она скончалась, не вставая с постели.

Я осталась жить в нашем доме и старалась продолжать вести хозяйство. Хотя почти весь скот был так же заражен чумой. Люди дохли как мухи и мой дядюшка Томас часто просил меня приехать к нему в Салем. Я не хотела и вежливо отклоняла его предложения каждый раз. А не хотела я лишь потому, что в последние минуты своей жизни мама прошептала мне своими бледными сухими губами: «Виктория, уезжай, уезжай подальше от этих мест, только никогда не возвращайся в Салем.» Объясниться она не успела, да и не смогла бы. Сил бы не хватило. Из-за сильнейшей горячки она едва могла шевелить глазами, чтобы моргать.

Но почему сейчас я всматриваюсь в очертания деревьев, мелькающих по дороге в Салем? Почему же сейчас я еду в небольшой торговой повозке, которая идет к побережью? Все потому, что с неделю назад, мне пришло короткое послание от Томаса: «Виктория, срочно приезжай…».

Глава2

Я прибыла в Салем под вечер, когда солнце уже цеплялось краем за крышу старой колокольни. Повозка торговца, на которой я ехала последние полдня, скрипнула, замедляясь, и лошади фыркнули, будто сами не хотели въезжать в этот город. Я слезла на землю, поправив плащ, и только после этого заметила, что дрожу – не от холода. Торговец коротко кивнул, пожелал удачи и тронул лошадей, будто спешил уехать отсюда как можно дальше. Повозка скрылась за поворотом, оставив меня одну на узкой улице, где туман висел над землёй, словно тонкая пелена. Я стояла, сжимая в правой руке письмо дяди.

Салем выглядел так, будто не менялся уже сто лет. Дома с тёмными чердаками нависали над улицами, словно старики, наблюдающие за чужой жизнью. Ветер доносил запах моря, сырости и чего-то более тяжёлого – того, что оставляют после себя старые страхи. Я помнила этот город смутно, как чужой сон: вспышки лиц, голоса, смех из детства… Но сейчас всё казалось незнакомым, даже недобрым. Я шагнула вперёд. Камни под подошвами были влажными, и улица уходила в серую мглу. Пальцы на руке сводило от напряжения

Город был небольшим, но плотным, с узкими улицами, по которым ветер гнал песок и запах моря. Дома здесь возвышались будто плечом к плечу – деревянные, тёмные от соли

и времени, с крутыми крышами, чтобы дожди стекали быстро, не задерживаясь. Некоторые из них перекосились от старости, и казалось, что в любом окне может мелькнуть чьё-то слишком пристальное лицо. Большая часть зданий принадлежала морякам, торговцам и купцам. Фасады были простыми и строгими: маленькие оконные рамы, резные ставни, иногда облупившаяся краска, потрескавшиеся крыльца. Но рядом с этим скрипящим, чуть опасным очарованием прошлого стояли новые постройки – аккуратные, светлые, богатые дома, словно их только что привезли с материка. Этот странный контраст всегда был отличительной чертой Салема: старое и новое здесь не дружили, а будто враждовали. Люди на улицах двигались настороженно, особенно в последние месяцы – беспорядки висели над городом, как густая туча. Женщины с корзинами, мужчины с тяжёлыми плечами, дети, бегущие меж домов – все они будто краем глаза следили друг за другом. Никто не задерживался на перекрёстках дольше, чем нужно. И каждый второй оборачивался, услышав шаги у себя за спиной. И всё же, над всем этим стояла церковь. По-настоящему величественная. Она возвышалась точно в центре города – высокая, истрёпанная временем. Построенная из серого камня, она резко выделялась на фоне деревянных домов. Острые шпили тянулись к небу, разрезая туман, а огромные окна с цветными стеклами выглядели живыми – то отражали заходящее солнце, то прятали собственную тьму. Колокол на башне был слышен по все-

му побережью – его тяжёлый гул пробирал до костей. Некоторые жители уверяли, что он звонит сам по себе, даже когда никто не трогает верёвку.

Рядом с церковью располагалась ратуша – массивное здание из красного кирпича. Тут же стояли лавки торговцев: рыбные ряды, где пахло морем и солью; лавка ткача; лавка кузнеца, у которой воздух всегда был горяч и пах железом. Дальше тянулась гавань – сердце Салема. Деревянные причалы скрипели под весом старых и новых кораблей. Моряки ругались, смеялись, грузили ящики с товарами, ловко перебрасывая друг другу верёвки.

Воздух пах смолой, солью и чем-то острым – предчувствием далёких стран.

Но даже здесь, у воды, где жизнь обычно кипела и бурлила, в последнее время чувствовалась нервозность. Будто весь город ждал чего-то.

Я искала дом по адресу, что был указан в письме. Дом дяди не был большим, но выглядел знакомо – маленький, из тёмного дерева, с покосившейся крышей и старым крыльцом, на котором скрипнула доска под моей ногой. Всё здесь казалось таким же, каким я его помнила из детства, но… пустым. Дверь была закрыта, краска облупилась, ставни дрожали на ветру. Я постучала, сначала один раз, потом ещё – сильнее.

Томас? – тихо позвала я, почти шёпотом. – Дядя?

Ответа не было. Только ветер сквозил сквозь щели в дос-

ках, поднимая лёгкую пыль. Я постучала ещё раз, решительно. И поняла, что ждать дальше бессмысленно. Ничто в доме не дышало, не шевелилось. Я медленно толкнула дверь. Она скрипнула и открылась. Внутри был темно и тихо, воздух пахнул пылью и чем-то старым, деревянным. Я вошла, стараясь не шуметь, и почувствовала, как напряжение в груди усиливается. Никого не было. И это ощущение – пустоты, тишины и ожидания – было почти осязаемым. Я стояла на пороге и смотрела вокруг. Дом дяди, мой последний якорь в этом городе, встретил меня молчанием.

Дом Томаса стоял на небольшой возвышенности, чуть в стороне от шумной улицы. Это был двухэтажный деревянный дом, с покосившейся крышей и темными ставнями, которые скрипели на ветру. Стены были окрашены в выцветший охровый цвет, краска местами облупилась, обнажив древнее дерево. С улицы дом казался скромным, почти неприметным, но его внутренняя организация говорила о человеке аккуратном, привыкшем к порядку и рациональности. Внутри полы были дощатые, слегка прогнившие, скрипели под каждым шагом. Стены отделаны деревянными панелями, местами потемневшими от времени и дыма от камина. Пахло древесиной, старой бумагой и лёгкой горечью пепла. Мебель была простая, но солидная. В гостиной стояли массивные дубовые столы, на которых лежали стопки книг, бумаги и чернильницы. В углах – высокие шкафы для одежды и посуды, украшенные строгой резьбой, кресла с высо-

кими спинками и подлокотниками, обтянутые тёмной тканью. На стенах висели масляные лампы на кронштейнах и несколько картин в простых рамах. В камине догорал пепел, хотя дрова давно не подкладывали. На полках рядом с камином стояли несколько глиняных и деревянных сосудов – чаши, кувшины, старые свечи. На столах были пергаменты и письма, аккуратно сложенные в стопки, чернила на них слегка выцвели, но почерк был ясный, аккуратный. Я заметила аккуратную стопку писем – мои собственные письма к нему. Я взяла их в руки, провела пальцами по знакомым строкам. Каждое письмо было маленькой частью нашей истории, нашей связи. И теперь они казались уязвимыми, оставленными здесь без защиты.

Я ходила дальше, пытаясь понять, куда же мог подеваться дядя. Что могло случиться с Томасом? Его письмо ко мне было столь тревожным, что теперь каждый уголок дома казался подозрительным. Я пыталась найти какой-то след, знак. Когда я поднялась на второй этаж, я вошла в его спальню. Там, на маленьком столике у окна, лежало ещё одно письмо. Бумага была слегка пожелтевшая, но аккуратно сложенная. Я подняла его, и сердце сжалось – почерк был знаком: это письмо Томаса к его другу, к человеку по имени Гидеон Марлоу. Оно было не отправлено:

«Дорогой друг, Я пишу тебе с великой тревогой в сердце. Я хочу попросить, чтобы Виктория приехала ко мне. Ей должно быть известно всё, что от нее скрывалось; истина не

может оставаться скрытой. Но меня уже заподозрили в нечистом деле, и кто знает, на какой день может начаться охота. Ты знаешь, что делать, когда часы станут самыми опасными. Береги её, ибо никто иной не вправе знать того, что я намерен открыть только ей.

Твой верный, Томас»

Глава3

Церковь Святого Провидения возвышалась в самом сердце Салема – строгая, тяжёлая, словно вытёсанная из одного куска камня. Высокие узкие окна пропускали скудный свет, который ложился на пол длинными серыми полосами. У алтаря стоял священник – преподобный Йонас Хейл, мужчина лет семидесяти, сутулый, сухой, с глубокими складками возле рта и глазами, которые, казалось, видели грех ещё до того, как он был совершен. Его борода была редкой, седой, а пальцы – узкими и костлявыми. Он держался с той властностью, что обычно принадлежит людям, уверенным в собственном праве судить и направлять. Перед ним стояла Мэри Уиткоут – женщина с маленькими, вечно настороженными глазами и длинным, резко очерченным носом. Её тёмные волосы, тусклые и сухие, были спрятаны под чепчиком. Платье висело на ней простым, тяжёлым мешком, подчёркивая худобу. Сейчас она теребила край рукава дрожащими пальцами.

– Преподобный… – её голос сорвался. – Я пришла поговорить о моих девочках…То был припадок, обычная хворь. Они ж с малолетства слабые…

Хейл опёрся на резную кафедру, медленно покачал головой. Его голос был тих, но в нём звучала угроза, которая не нуждалась в повышенных тонах.

– Нет, дитя моё. Это не хворь. То, что случилось с твоими

дочерьми, не от плоти и крови. Я видел их глаза. Я слышал их крики. То был язык, которому не учат в доме Божьем. Злой дух коснулся их, и мне ведомо – он не отступит сам по себе.

Лицо Мэри исказилось, глаза наполнились слезами.

– Нет, прошу вас, преподобный Хейл… Не говорите так… Это же дети мои, всего-то девять и одиннадцать лет… Да не могут они быть касаемы нечистым! То ж просто слабость тела, неровное дыхание, испуг…

Но Хейл не смягчился.

– Дитя моё, – произнёс он, – слабость плоти не заставляет ребёнка говорить голосом, что не знает ни мать, ни отец. И не заставляет тело выгибаться так, как разве что мучимые адом изгибаются.

При этих словах Мэри будто обмякла. Она шагнула ближе, и вдруг – словно рухнула – опустилась на колени.

– Та не было в них голоса чужеземного, лишь небольшой припадок! – прошептала она, срываясь на всхлип. – Ради Господа. Я умоляю вас… Не дайте им погибнуть…

Её руки дрожали, когда она схватила подол сутаны Хейла. Он наклонился, положил костлявую ладонь ей на голову. Движения были аккуратные, почти отеческие, но в глазах у него не было мягкости – лишь холодная уверенность.

– Не рыдай, Мэри, – сказал он негромко. – Господь видит твоё горе. Мы воззовём к Нему. Мы изгоним всё тёмное, что осмелилось коснуться твоего кровного.

Она подняла голову, всматриваясь в него снизувверх, как

в последнюю надежду.

– Да будет на все воля Божья, – тихо ответил Хейл. – И да будет она исполнена моими руками.

Он поднял взгляд к тёмным сводам церкви, будто уже ожидал, что что-то отзовётся оттуда в ответ. А Мэри всё ещё стояла на коленях, слёзы катились по её худому лицу – и казалось, что в этой холодной церкви они даже не успевают теплом коснуться кожи, прежде чем становятся ледяными.

Преподобный Хейл медленно прошёл по длинному узкому коридору церкви, его шаги отдавались глухим эхом. Он вышел к боковой двери, распахнул тяжёлую створку и оказался на улице. Над Салемом уже сгущался вечер: туман стелился по земле, фонари почти не давали света, и весь город казался настороженным, будто прислушивался к каждому его шагу. Хейл шёл быстро, целеустремлённо. Его чёрный плащ колыхался за спиной, тускло блестя от инея, который лёг на ткань. Он пересёк пару пустых улиц и подошёл к зданию, неприметному снаружи: одноэтажная каменная постройка без окон со стороны дороги, крыша низкая, наклонённая, стены покрыты следами времени и сырости. Дверь вела в тень. Она была тяжёлая, выбитая железными заклёпками. Хейл постучал три раза – коротко, отрывисто.

С другой стороны, послышалось шуршание, затем в двери открылся узкий прямоугольный глазок. В нём появилась пара тёмных, внимательных глаз.

– Кодовое слово? – спросил голос хрипло, настороженно.

Хейл наклонился чуть ближе.

– Мелхиседек, – произнёс он уверенно.

За дверью раздался звук отодвигаемых засова и цепей. Тяжёлая створка медленно отворилась. Его впустил человек в кожаной куртке и шерстяном плаще, лицо которого было скрыто капюшоном. Он молча отступил в сторону, позволяя Хейлу пройти. Внутри было темно. Свет едва исходил от нескольких масляных ламп, висящих вдоль стены. Каменный пол спускался вниз по узкому коридору. Хейл двигался уверенно, будто ходил сюда годами. Влажные стены сужались, воздух становился тяжелее, пахнул сыростью и железом. В конце коридора начиналась лестница – крутая, ведущая в подвал. Священник спустился, придерживаясь за перила. Подвал был просторным, но погружённым в тень. Здесь, среди факелов и массивных каменных арок, стояли двое мужчин. Они были ростом выше обычных и широкоплечи, словно выращены для войны. Одеты они были в тёмную кожаную броню, плотно закрывавшую грудь и плечи, на руках – ткань с металлическими вставками. Их лица скрывали маски из чёрной металлической сетки, через которую виднелись только глаза – холодные, внимательные, спокойные.

Преподобный Йонас кашлянул, опершись на свой резной посох, и заговорил негромко, но твердо:

– По всей видимости, братья… – голос его эхом разнесся под каменными сводами. – В Салеме вновь завелась ведьма.

Ни один из мужчин не шелохнулся, только чуть изменилось выражение глаз – как будто в них загорелось тяжёлое, мрачное понимание.

– Её нужно найти, – продолжил Йонас. – Найти и уничтожить. Пока зло не пустило корни.

Он сделал шаг ближе, понизив голос, словно боясь, что стены услышат:

– Она уже околдовала детей Мэри, супруги местного рыбака. Девочки впали в припадок прямо на службе… – старик покачал головой. – Теперь их… придётся ликвидировать. Во имя спасения душ.

Мужчины слегка склонили головы – бесстрастно, будто речь шла не о людях, а о бракованном скоте.

– Скоро начнутся слухи, – сказал священник, сжав пальцами край своего плаща. – Паника поднимется. Народ станет неуправляем… как это уже было однажды. Мы не можем позволить этому повториться. Не сейчас. Не при моей старости.

Он тяжело вздохнул, выпрямляясь.

– Я слишком дряхл, чтобы снова вести людей, как прежде. Но вскоре… – он постучал посохом по каменному полу, словно подчёркивая неизбежность – …я найду преемника. Того, кто завершит моё дело. И изведет всех ведьм на наших землях, раз и навсегда.

В подвале повисла тишина, густая, как ночь за окном. Оба мужчины молчали. Но в их неподвижности чувствовалось

одобрение – тяжёлое, как камень. Их глаза блеснули почти уважительно. Йонас кивнул, медленно развернулся и, опираясь на посох, направился обратно по узкому коридору.

Глава4

Я стояла посреди тёмной комнаты, дрожащими пальцами держа плотный, слегка пожелтевший лист. Письмо дядюшки Томаса… адресованное некому Гидиону. Имя, которое я никогда прежде не слышала. Томас никогда не говорил о друзьях, о знакомых, о каком-то круге общения – он вообще жил скрытно, будто нарочно держал дистанцию даже от семьи. Но строки, что передо мной, прожигали сердце холодом. Он писал, что хочет рассказать мне нечто важное. Столь важное, что его могут схватить. Что времени у него мало. Я всегда знала, всегда чувствовала, что в нашей семье есть тайна. Ощущение странной недосказанности сопровождало меня с детства – какие-то шёпоты за дверями, тихие перебранки родителей, обрывающиеся стоило мне войти в комнату. Но никто, ни мать, ни отец, так и не решились открыть мне правду. А теперь выходит… Томас хотел. И именно поэтому звал меня в Салем.

Я села на край его кровати – скрипнули старые доски, будто протестуя против чужака в доме. Вскинула взгляд на полумрак комнаты, на вещи, в которых ещё витал его запах, его присутствие. А теперь… что? Что если я опоздала? Что если он уже… мёртв? Грудь сдавило так, что мне пришлось глубоко вдохнуть. Мысли метались в голове, как пули, рикошетя от стены к стене. Я должна чтото сделать. Должна хоть

что-то понять. Найти Гидиона?

Но как? Я никого не знала в этом городе кроме Томаса. Никто не мог помочь в моей беде.

И тут воспоминание вспыхнуло неожиданно ярко – кусок детства, запах свежего хлеба, солнечный свет на запачканном мукой переднике. Пекарь.

Местный пекарь, добрый, мягкоголосый мужчина средних лет, который давал мне маленькие булочки «потому что дети должны улыбаться». Я помнила его руку, тёплую и огромную, протягивающую мне свежую буханку, помнила смех, скрытый под густыми усами. Он единственный, кого я знала и помнила в Салеме. Единственный, кто возможно смог бы мне помочь. Хотя возможно он уже тоже мертв, или переехал или просто работает на другом месте… Но во всяком случае нужно же с чего-то начать. Нужно попробовать его отыскать. Салем городок маленький и по идеи все люди должны друг друга знать, хотя бы заочно. Но за окном стояла глубокая ночь. Морозная, давящая, чужая. И идти сейчас по пустым улицам – безумие.

Я аккуратно сложила письмо, положила на стол и поднялась.

– Утром, – прошептала я себе. – Утром я пойду к нему. Это мой единственный шанс.

Я легла на его кровать, и холодное покрывало пахло пылью и чем-то ещё… почти незаметным, но тревожным.

Сон не шёл. Но я знала: утро неизбежно придёт.

Я проснулась ещё до рассвета – от тягучей тишины дома, от холода, который будто поднимался из половиц, и от той тревоги, что всю ночь лежала на груди тяжёлым камнем. Я почти не спала, лишь ворочалась, вслушиваясь в каждый шорох, будто надеялась услышать шаги Томаса… но дом упорно молчал. Покончив с сомнениями, я собрала волосы, накинула плащ и вышла наружу. Утро встречало меня сыростью, лёгким туманом, который стелился по земле, как молоко по столу, и дальним колокольным звоном.

Мне нужно было найти пекарню. Если она ещё существует. Если память меня не подвела. Я шла по узким улочкам Салема, сжимая в руках перчатки, будто это могло унять напряжение. Город будто только просыпался: кто-то выносил ведро с водой, кто-то запирал калитку, а кто-то уже стоял на пороге дома, провожая меня глазами. И глядели все. Так же, как когда-то в Конкорде – эти злые, цепкие взгляды, будто я была чужачкой, несущей разлад в их уютный мирок. Дети шептались и тыкали в меня пальцами, женщины перешёптывались, прикрывая рты платками, мужчины просто следили молча, оценивая, будто взвешивая меня на весах. Я уже давно привыкла к этому. Привыкла настолько, что даже не поднимала глаз. Разве что сжимала зубы чуть крепче.

Главная площадь – вот где должна была быть лавка. Я помнила её светло и почти тепло: запах хлеба, маленькие окошки, деревянную вывеску, которая скрипела даже в безветренную погоду. И когда я увидела знакомую форму кры-

ши – у меня ёкнуло сердце. Та же лавка. Я уверенно зашла внутрь. Но… не тот человек. Внутри, за прилавком, стоял иссохший, словно высушенный солнцем, лысый мужчина лет тридцати четырёх, с редкой, неухоженной бородой. Он оторвал взгляд от буханок, которые перекладывал, и медленно поднял глаза на меня. Секунда – и в его взгляде вспыхнуло презрение. Настоящее, тяжёлое, как затхлый воздух подвала. Он окинул меня взглядом сверху вниз, будто я была мусором, случайно занесённым ветром в его чистую лавку. Он даже не попытался скрыть недовольство, когда я вошла.

– Чего тебе? – пробурчал он, будто я помешала ему перекладывать буханки.

Я открыла рот, но слова застряли где-то в горле. Хотелось развернуться и уйти – так, чтобы плащ задел его прилавок. Я уже повернулась к двери… но потом, сжав кулаки, вернулась обратно. Решительность переполняла меня. Нет. Я пришла за ответами.

– Послушайте… – сказала я тише, чем хотелось бы. – Раньше здесь работал другой пекарь. Мужчина средних лет, коренастый, с добрым лицом и светлой бородой. Он… он знал мою мать. Я хотела узнать, куда он делся.

Мужик прыснул смехом. Настолько резко, что изо рта вылетели влажные капли, упав прямо на буханку перед ним. Меня замутило.

Он хрипло откашлялся, будто его собственный смех его же и душил.

Я крепко стиснула зубы.

– Ну ты даёшь… – выдавил он, вытирая рот грязным рукавом.

Я бросила на прилавок небольшой мешочек. Внутри – декретные фунты: золотые монеты, которые колонисты чеканили по образцу английских гиней, только крупнее и тяжелее. Пальцы пекаря дернулись – так невольно тянется голодный к куску мяса.

– Я спрашиваю ещё раз, – сказала я ровно. – Где прежний пекарь?

Он нахмурился, будто деньги сделали вопрос опасным. Помедлил. Почесал затылок. Потом прищурился:

– А ты кто вообще такая? Я тебя тут раньше не видел.

Я вдохнула, словно перед прыжком.

– Я… проездом, – медленно ответила я. – С континента.

Сказать «из Конкорда» было бы хуже – эти люди видят чужих насквозь.

Сказать «из Европы» – слишком громко, но он, кажется, не различал нюансов.

– А-а-а… – протянул он, и во взгляде на миг мелькнула алчность. – Многие хотят туда, за океан. Может, и мне подфартит… Я тоже пекарь отличный, знаешь? Лучше того старика. Намного. Хлеб у меня…

– Мне не ваш хлеб нужен, – перебила я жёстко. – И не вы.

Мне нужен он. По личным причинам. Либо вы берёте деньги и отвечаете…, либо я ухожу.

Жадность в нём победила. Он протянул толстые пальцы и цепко схватил мешочек.

– Ладно, ладно… – проворчал он. – Тот пекарь… Джонас, кажется. Да, Джонас Марлоу. Пару лет назад ушёл отсюда. Открыл свою лавку ближе к пирсу. Говорят, дела шли неплохо. – Он снова оглянулся на дверь и сказал, тише, – А здесь… здесь мы все на Фредди работаем. Вывеска одна, хозяин – другой.

Он пожал плечами, будто этим всё сказано. И я поняла – след ведёт к пирсу.

И к Джонасу Марлоу.

Глава5

Пирс Салема встретил меня запахом соли, водорослей и рыбы, смешанным с дымом очагов и криками чаек. Доски под ногами пружинили, покачиваясь в такт волне, и где-то между рыбацких сетей и бочек с треской я увидела нужную вывеску – выцветшую, едва читаемую, будто её выжгло солнце.

«Марлоу. Хлеб и сладости».

Лавка Джонаса была маленькой, старенькой, но уютной. Дверь звякнула колокольчиком, когда я вошла. Запах свежего хлеба накрыл меня, будто тёплое одеяло. И там он был. Постаревший, сгорбленный, с поседевшей бородой, дрожащими руками. Но глаза – всё те же: мягкие, ясные, как у человека, который прожил трудную жизнь и всё равно сохранил в себе что-то светлое. Он поднял голову, и его лицо озарилось слабой улыбкой.

– Доброе утро, мисс. Чем могу угодить?

Я замялась, не знала что сказать. Сердце билось слишком быстро. Я просто указала на корзину с булочками – самыми простыми, румяными, пахнущими медом.

– Пару этих, пожалуйста.

– Отличный выбор, – тихо сказал он и аккуратно, хоть и с дрожью, завернул булочки в бумагу.

Я взяла пакет, и какое-то время мы молчали. Его доброта

размягчала, но я всё равно ощущала настороженность. Пока я не узнаю, кому можно доверять, слова о том, кто я и, кто моя мать, – опасность. Ведь из-за секрета нашей семьи мог погибнуть мой дядя… Я вдохнула. И решилась начать издалека.

– Я была здесь когда-то. Очень давно, – сказала я, делая вид, что просто болтаю. – Я с континента. И… в детстве ела у вас самые вкусные булочки.

Он моргнул, с удивлением глядя на меня.

– Вот как, мисс? – Он слегка улыбнулся. – Память у вас славная, если вы это помните. Я тогда ещё был… да не таким уж старым, – хохотнул он, хотя смех получился хриплым.

– А вы почти не изменились, Я вас сразу же узнала! – сказала я.

Он рассмеялся громче – так, что даже покачнулся.

– Ох, мисс… ну это вы зря. Да я с тех пор сгорбился вдвое и поседел втрое.

Его смех был тёплым. Настолько, что на мгновение мне захотелось сказать правду. Сказать, кто я, чья дочь, что ищу своего исчезнувшего дядю. Сказать про письмо, про тайну, про страх. Джонас внушал доверие и от его лица по телу расходилось приятное тепло. Но нельзя. Не сейчас. Если Томаса убрали из-за того, что он хотел раскрыть мне правду – любое лишнее слово могло стоить мне жизни. Поэтому я только улыбнулась и пожала плечами:

– Просто помню доброту. Она с возрастом не меняется.

Он смутился, будто не привык к комплиментам. Мы ещё какое-то время говорили о пустяках: о погоде, о рыбаках, о дорогах, о том, как тяжело стало вести лавку. Он был мягким, простым человеком – и, что бы ни скрывал этот город, Джонас, казалось, от тьмы был далёк. Но я всё равно следила за каждым его вздохом, каждым взглядом. Добрый – не значит безопасный. А пока… я просто слушала его голос и грела ладони о тёплый пакет с булочками, набираясь смелости задать главный вопрос – позже, когда будет момент.

Я уже собиралась задать нужный вопрос, когда взгляд сам зацепился за отражение вывески в воде под пирсом. Солнце сверкнуло на буквах, и я вдруг увидела то, чего раньше не замечала: Марлоу. Та же фамилия, что стояла на письме Томаса. Гидеон Марлоу. Меня будто ударило током. Выходит… они, возможно, родственники? Братья? И Джонас может знать что-то о Томасе куда больше, чем кажется. Я решила рискнуть – мягко, будто между делом.

– Скажите… – я наклонилась к прилавку, будто интересуясь ассортиментом. – А как там поживает ваш брат? Гидеон, кажется?

Джонас побледнел так, будто я назвала имя давно похороненного человека.

– Откуда… – его голос дрогнул. – Откуда у вас такая память, мисс?

Чёрт. Он почувствовал подвох. Я натянуто улыбнулась, включив свою лучшую импровизацию:

– Ох, просто… мой отец… – я махнула рукой, будто вспоминая старую историю. – Он часто говорил о таверне вашего брата. Мы как-то заходили туда. Вот и отпечаталось в памяти.

Джонас нахмурился. Долго. Будто каждое слово проверял на вес. Я поняла: промах. Серьёзный.

– Мисс… – медленно произнёс он. – Мой брат действительно Гидеон. Но он никогда не держал таверну. И никогда не работал ни в одной. Он… моряк. Всю жизнь.

Провал. Но я была готова ко лжи. Я жила ей в Конкорде, спасаясь от чужих взглядов. Я сделала вид, что вспыхнула от неловкости:

– Ах да… да что ж такое… конечно. – Я хлопнула себя ладонью по лбу. – Перепутала! Я вспомнила. Он возил нас однажды на морскую прогулку. С моим… – я медленно выдохнула. – С моим дядей.

Вот теперь – проверка. Джонас прищурился, глаза его стали тонкими, внимательными щелями:

– А как зовут вашего дядю, мисс?

Внутри всё сжалось. Если он дружил с Томасом – он поймёт. Если нет – я подставляю себя. Но отступать поздно.

– Томас, – тихо сказала я.

Морщины вокруг его глаз смягчились.

– Ах Томас… да. Да, знаю его. – Он кивнул, и из голоса исчезла настороженность. – Странный, но добрый человек. Любил море больше суши.

Я тихо выдохнула. Он узнал имя. И не испугался его. Но тут же Джонас спросил то, чего я боялась:

– Вот что странно… – он наклонился ближе. – Если Томас жил здесь всю жизнь, почему вы… на материке? Почему ваша семья – в Европе?

Я не дрогнула. Я плохо умела лгать. Хотя мне часто приходилось лгать, чтобы выжить.

– Родителей позвали работать туда, когда мне было пять, – сказала я ровно. – Мать получила место, отец поехал за ней. Томас… тогда говорил, что это к лучшему. Он сам так сказал.

Джонас долго смотрел на меня – слишком долго.

Будто пытался увидеть то, что я скрываю.

А потом кивнул, чуть смягчившись:

– Да… похоже на Томаса. Он всегда знал, когда лучше уйти из Салема.

Его слова словно эхом ударили в грудь. Уйти из Салема. Знал, когда лучше. Что же здесь такое творится, что люди «знают, когда лучше уйти»? Я впервые за утро почувствовала настоящий холод – тот, что не от ветра. Тот, что от близости к опасной правде.

– А где я могу найти вашего брата? – спросила я ровно, стараясь звучать спокойно. – Я сейчас лишь проездом… Мне просто хотелось… – я помолчала, подбирая слова, – прокатиться на море. Как в детстве.

Он оцепенел, в глазах мелькнула неожиданность, но спу-

стя секунду он выдохнул и чуть кивнул.

– Хорошо, – сказал он тихо. – Если хотите… Идите на пирс. Первый причал слева, у красного борта. Там будет шхуна – (*так назывались тогда прогулочные суда или маленькие прибрежные лодки).

– Шхуна? – переспросила я.

– Да. Когда ветер благоприятный – они по побережью ходят, за скалами, к маякам. Там и найдёте Гидеона.

Я отметила мысленно: первый причал слева, красный борт. Всё. Я поблагодарила Джонаса, взяла хлеб, завернула булочки и вышла на пирс. Сквозь туман и слабый утренний свет на воде отливали паруса, деревянные мачты покачивались, верёвки шуршали. Я направилась к первой пристани. Сердце колотилось. Каждый шаг отдавался в груди. Если Гидеон там… если всё не слишком поздно…

Глава6

Мэри дрожала, едва переступив порог старой каменной церкви. Тяжёлые дубовые двери захлопнулись за её спиной, и звук этот, гулкий, будто отсёк её от мира. Рядом стояли её дочери – маленькая Элианна, худенькая, белокожая, с большими круглыми глазами цвета тёмного янтаря, и старшая Розалинда – бледная, как мел, с длинными прямыми каштановыми волосами, заплетёнными в скромную косу. Девочки держались за руки, будто боялись потеряться даже в двух шагах друг от друга.

Священник Йонис вышел к ним в полной тишине, словно из самой тени алтаря. На лице у него застыла мягкая, обнадёживающая улыбка, но глаза оставались холодными, почти стеклянными.

– Мэри… дитя моё, – сказал он, слегка склонив голову. – Вы поступили правильно. Демон, коснувшийся душ ваших девочек, будет изгнан. Я помогу им обязательно.

Мэри всхлипнула, обеими руками прижимая к груди платок.

– Я… я умоляю вас, отец Йонис… позвольте мне быть рядом. Я должна видеть, что с ними всё в порядке. Я должна—

Он мягко приложил ладонь к её плечу.

– Нет, – произнёс он тихим, бархатным голосом, – это

слишком опасно. Экзорцизм – дело тёмное и жестокое. Демон может попытаться перейти на вас… или причинить вам вред.

Он улыбнулся чуть шире, почти ласково.

– Позвольте мне защитить вас. Позвольте мне защитить ваших девочек.

Элианна крепче прижалась к сестре. Розалинда, выше ростом, чуть прикрыла её собой, хотя губы у самой дрожали. Мэри плакала почти беззвучно, утопая в страхе.

– Но… но они же маленькие… Я не могу…

– Вам нужно довериться мне, – мягко, но твёрдо сказал Йонис. – Всё будет хорошо. Клянусь вам перед Господом.

Он протянул руки, обнял девочек за плечи и развернул их к дальней части церкви. Там, за алтарём, была узкая арка, ведущая в глубину – туда, куда прихожане обычно не заходили.

– Мы проведём обряд в нижнем помещении, – пояснил он. – Там тише… и безопаснее.

Элианна обернулась в последний раз, её глаза наполнились слезами. Розалинда молчала, но в её взгляде читалось что-то вроде немого «мама, не оставляй нас».

Мэри потянулась к ним, но Йонис, не оглядываясь, уверенно увёл девочек за собой, шаг за шагом пропадая в тени арки. И когда они скрылись внизу, где начинались подвалы церкви… Мэри впервые ощутила, что совершила ошибку. Но было уже поздно.

Подвальное помещение оказалось куда мрачнее, чем могли представить себе девочки. Каменные стены были влажными, покрытыми мелким зелёным мхом. По ним стекали тонкие капли воды, собираясь на полу в мутных лужицах. В воздухе стоял запах сырости и земли, такой густой, что казалось – он прилипает к коже. Единственный источник света – крохотное окошко под потолком, через которое пробивался слабый серый свет. Но хуже всего были не стены и не темнота. А люди, которые стояли внутри. Двое массивных мужчин, плечистых, словно бы вытесанных из камня. На их лицах – грубые плотные маски, полностью закрывающие черты. В руках у каждого – свёрнутые мотки верёвок, толстых, как запястье ребёнка. Их присутствие давило, как тяжёлый груз. Йонис мягко улыбнулся девочкам – той самой «доброй» улыбкой, от которой у Мэри растаяло сердце.

– Проходите, дети, – тихо сказал он и чуть повёл рукой вперёд, как будто приглашая в класс на молитву.

Элианна резко вцепилась в руку сестры. Маленькое тело задрожало.

– Я… я не хочу… – всхлипнула она, чувствуя угрозу всем своим детским нутром.

Розалинда сделала шаг назад, мрачно оглядываясь.

– Отец Йонис… там… там кто? – спросила она дрожащим голосом, уже понимая, что это не похоже на обряд.

Мужчины в масках молча смотрели.

– Они помогут нам в обряде, – сквозь зубы процедил свя-

щенник

Розалинда попятилась назад, словно чувствуя как обман витает в воздухе. И тут священник изменился. Лицо исказилось, «добрая» улыбка исчезла, будто её срезали ножом. Глаза стали пустыми, чёрными, жестокими.

– Вперёд я сказал! – рявкнул он неожиданно низким, грубым голосом.

Розалинда открыла рот, чтобы закричать, развернулась – но Йонис схватил обеих за плечи с силой, совершенно не подходящей его хрупкой фигуре. Толчок был резкий, злой, почти звериный. Девочки полетели внутрь, ударились о каменный пол и скатились к ногам двух «амбалов». Элианна упала на локти и вскрикнула. Розалинда встала на колени, резко подняв голову – лицо её побелело, как бумага. Мужчины в масках шагнули вперёд, верёвки мягко развернулись, как живые. А за их спинами Йонис тихо закрыл тяжёлую дверь. Без молитвы. Без креста.

Двое мужчин схватили девочек почти одновременно. Они силой заставили их встать на колени перед ними. Элианна не переставала плакать и сквозь детские слезы умоляла их отпустить. Но мужчины казались не живыми, словно у них не было ни сердце ни души. Словно они роботы, которые выполняют любой приказ. Розалинда пыталась сопротивляться, она схватила одного амбала за руку стала что есть силы бить по ней. Пытаясь укусить. Но мужчина швырнул ее на пол с такой силой, что она ударившись головой о камень, по-

теряла сознание. Элианна зарыдала еще громче:

– Мама, мамочка, приди ко мне, помоги мне ! – кричала маленькая девочка, захлебывая в слезах.

Но амбалам было все равно. Один из них стал затягивать веревку на маленькой тонкой шеи Элианны. Лицо девочки покраснело, а глаза наполнились кровью от сильного давления. Казалось, что вот вот и они выкатятся из глазниц или лопнут. Еще пару секунд и бездыханное тело Элианны упало на пол как мешок. Мужчина направился к Розалинде. Он схватил тело девочки, подняв ее за шею одной рукой и силой прижал к стене. Розалинда умерла так же быстро как и ее сестра, не приходя в себя…

После жестокой расправы мужчины вышли из комнаты. Их тяжелые шаги гулко отдавались по каменным стенам, уменьшаясь по мере того, как они поднимались вверх по коридору, чтобы найти священника и доложить ему, что «дело сделано». Когда дверь наверху закрылась, помещение погрузилось в глубокую, вязкую тишину. Остались только сырой каменный воздух, слабый свет из маленького оконца под потолком… и два маленьких безжизненных тела на холодном полу.

Поначалу ничего не происходило. Но затем воздух над девочками начал дрожать – едва заметно, как от жара над свечой. Из ниоткуда, будто просачиваясь сквозь саму тьму, стал появляться темно-алый туман. Он выползал из углов, клубился плотными волнами, собирался в центре комнаты.

Его цвет был слишком насыщенным, живым – как свежая кровь, растворенная в воздухе. Туман медленно, но уверенно тянулся к девочкам, и вскоре уже полностью окружил их. Он словно гладил, окутывал, закутывал в мягкую колыбель. Камни вокруг чуть вибрировали, будто под ними текли потоки невидимой силы. ела девочек начали светиться изнутри слабым, пульсирующим красноватым сиянием. Оно нарастало с каждым мгновением, будто чья-то могущественная энергия заливала мертвую плоть, вытесняя смерть. Алый туман постепенно втягивался в них – по пальцам, по рукам, по груди, как будто их тела жадно впитывали то, что должно было остаться снаружи. А затем – одновременно – девочки резко вдохнули. Их глаза распахнулись. Сначала мир перед ними был мутным. Образы плавали, расплывались, будто они смотрели через толстый слой воды. Но через эту дрожащую пелену они всё же успели уловить движение. У противоположной стены стояла фигура в темном плаще. Лицо скрывала глубокая тень. Она была неподвижна, как статуя. Девочки моргнули – и туман в их глазах дрогнул. Фигура исчезла. Не ушла. Не растворилась. Её просто… больше не было.

Глава7

Я шла вдоль пирса. Доски под ногами поскрипывали, словно шёпотом обсуждали каждого, кто проходил по ним. Где-то звенели снасти, перекликались чайки, и ветер метался между мачтами, будто искал когото.

Если Томас доверял Гедиону, а исходя из его письма, он ему доверял так же, как и себе, значит я могу. Мысли метались в моей голове. Других вариантов у меня все равно не было. Джонас сказал: «Первый причал слева. Красная шхуна.» Эти слова эхом повторялись в моей голове, перекрывая шум волн. На пирсе было многолюдно: рыбаки таскали сети, женщины перебирали корзины с треской, дети носились между бочек, будто маленькие бесы. Время от времени чьито глаза задерживались на мне дольше, чем хотелось бы. Люди здесь умели смотреть цепко – словно проверяли, не принесла ли я с собой беду. Я ускорила шаг. И вот – первый причал. И вот – она: красная шхуна, слегка покачивающаяся на серых волнах. Её корпус был окован тяжелыми балками; краска облупилась, но судно выглядело крепким, опытным – таким, что пережило больше бурь, чем многие люди. У борта стоял мужчина. Сначала – лишь тёмный силуэт на фоне воды. Высокий, широкоплечий, будто вырубленный из ветра и морской соли. Он стоял, опершись ладонями о перила, и смотрел вдаль – туда, где туман сливался с гори-

зонтом. Когда я подошла ближе, смогла разглядеть его лицо. На вид около пятидесяти. Лицо суровое, скуластое, прорезанное морщинами, как старые карты – трещинами дорог и штормов. Кожа – загорелая, грубая. Волосы тёмные, но щедро пересыпанные сединой, собранные в низкий хвост. Борода короткая, аккуратно подстриженная. Он держался уверенно, спокойно – как человек, которому шхуна давно стала домом, а суша – временной гостиной. Я остановилась в двух шагах от него. Сердце билось так громко, что мне казалось – он слышит его стук. Пока я молчала, набираясь смелости заговорить, Гидеон медленно повернул голову и посмотрел на меня прямо, пристально, изучающе…

Я глубоко вдохнула, выровняла голос и сделала вид, что просто очередная туристка.

– Вы капитан Марлоу? – спросила я спокойно.

Он поднял на меня глаза – тяжелые, усталые, при этом проницательные.

– Да. Прогулки по морю начинаются через пятнадцать минут. Наберётся группа – и отплывём.

– Мне не нужна группа, – я сразу пресекла это. – Я хочу плыть одна.

Он нахмурился. Я почувствовала, как внутри всё похолодело. Он слишком внимательно меня разглядывал… Словно пытался понять, что со мной не так.

– Одна? – повторил он. – Это выйдет дороже.

– Я заплачу. – Я протянула ему заранее

приготовленные деньги. Руки дрожали, и я надеялась, что он этого не заметит.

Гедион заметил. Он бросил короткий взгляд на мои пальцы, потом на моё лицо – и медленно взял деньги.

– Ладно… – протянул он. – Садитесь.

Я ступила на палубу его шхуны, и он отвязал канат, будто делал это сотни раз – лениво, но уверенно.

Через минуту мы уже покинули пирс. Шхуна мягко раскачивалась на волне, а город постепенно растворялся в тумане и расстоянии. Когда вокруг остались только море и хриплый скрип рангоута, я поняла – сейчас. Другого случая у меня не будет.

– Капитан Марлоу… – начала я, сжав письмо в ладони.

Он стоял у руля и даже не повернулся.

– Слушаю.

– Я… я здесь не ради прогулки.

Он замер. Не обернулся, но плечи его напряглись.

Я протянула письмо.

– Это… от Томаса. Томаса Грейсона.

Эти слова будто ударили его. Он резко обернулся, выхватил письмо – почти из моих рук. Я видела, как меняется его лицо: сначала удивление, потом страх… и что-то ещё – тяжёлое, неизбежное. Он дочитал и вскинул на меня глаза.

– Вы… Виктория?

Я кивнула. Слова застряли в горле, но я сумела прошептать:

– Мой дядя пропал.

Гедион словно дернулся. Он оглянулся по сторонам – хотя кругом было только море. Но он всё равно смотрел, как будто кто-то мог прятаться за волнами. Он шагнул ко мне ближе и почти схватил за руку. Шхуна тихо скрипнула, будто затаив дыхание вместе с нами.

– Я чувствовал… – произнёс Гедион негромко, но каждое слово будто ложилось на кожу. – Чувствовал, что это может случиться в любой момент.

Я подняла на него глаза.

– «Это»? – переспросила я, с трудом удерживая голос ровным. – Что вы имеете в виду?

Он отвёл взгляд к воде. Серые волны перекатывались, тянулись одна за другой, словно знали больше, чем мы.

– Я не знал, когда именно, – продолжил он. – Не знал, каким образом. Но знал – день придёт. День, когда Салем вновь откроет своё истинное лицо.

– Вы говорите загадками, – вырвалось у меня. – Я не понимаю.

Он повернулся ко мне снова. Его глаза были тяжёлыми, усталыми – такими смотрят люди, которые слишком долго носят в себе знание.

– И не должны понимать… пока что. – Он помолчал. – Салем погружается в тёмные времена, Виктория. В такие времена, когда всё сокрытое начинает выходить наружу. Когда

страх перестаёт прятаться за молитвами. Когда правда больше не желает молчать.

От его слов по спине пробежал холод.

– Тогда скажите мне правду, – тихо сказала я. – Не частями. Не намёками. Я имею право знать, что происходит.

Гедион долго молчал. Затем медленно кивнул, словно принял тяжёлое решение.

– У меня есть кое-что для тебя.

Я напряглась.

– Что?

– То, что твой дядя хотел передать тебе сам… – Он сглотнул. – Но не успел.

Моё сердце болезненно сжалось.

– Вы знаете, где он? – спросила я почти шёпотом. Он не ответил сразу. Лишь тяжело выдохнул.

– Я должен быть честен с тобой, – сказал он наконец. – Ты в большой опасности. И… – его голос стал глухим, – твой дядя, скорее всего, уже мёртв. Как бы ни было прискорбно это осознавать.

Мир будто покачнулся. Я вцепилась пальцами в край борта, чтобы не упасть.

– Нет… – прошептала я. – Он бы не…

– В Салеме исчезают не просто так, – мрачно ответил Гедион. – Особенно те, кто знает слишком много.

Я закрыла глаза на мгновение, заставляя себя дышать.

–Но что с ним случилось? Вы думаете, что кто-то убил

моего дядюшку, но кто? – спросила я, когда смогла снова говорить.

Он наклонился чуть ближе, понизив голос так, что слова почти растворялись в шуме волн.

– Я должен отдать тебе то, что принадлежит тебе по праву. Но не здесь. И не днём. – Тогда где?

– Приходи сегодня, – сказал он. – Под покровом ночи.

В полночь.

Я вскинула на него взгляд.

– Куда?

– К моему дому. Маленький домик близ старой часовни, за восточной тропой. Ты узнаешь его – он стоит особняком, будто сторонится остальных. – Он задержал на мне взгляд. – Никому не говори. Ни слова. И если заметишь, что за тобой следят… не приходи вовсе.

Глава8

Подвальная дверь медленно отворилась, и холодный, влажный воздух ударил в лицо. Священник Йонис вошёл первым, тяжело опираясь на посох. За ним – двое охотников, ещё не успевшие снять маски. Факелы в их руках шипели, разбрасывая дрожащий свет по каменным стенам, и казалось, будто сами тени шевелятся, не желая оставаться на местах. Йонис сделал несколько шагов вперёд… И остановился. Его дыхание сбилось. Камера была пуста. Там, где ещё недавно лежали два маленьких тела, не осталось ничего.

– …Где они? – тихо произнёс он.

Охотники переглянулись. Священник медленно обернулся к ним. В следующую секунду его голос сорвался на крик:

– ГДЕ ТЕЛА?!

Он ударил посохом о пол так сильно, что эхо разлетелось по подвалу.

– Вы что, струсили?! – Йонис шагнул к ним, лицо исказилось яростью. – Или решили, что я не замечу вашей слабости?!

Он ткнул пальцем в пустое место, где должна были лежать девочки.

– Вы должны были довести дело до конца! До последнего вздоха! Это была ваша обязанность перед Господом!

Один из охотников, тот самый, что был выше и шире другого, сделал шаг вперёд. Его голос был глухим, тяжёлым, уверенным – голос человека, не сомневающегося в содеянном.

– Они были мертвы, святой отец.

Йонис резко замолчал.

– Мы проверили, – продолжил охотник. – Удушение. Полное. Дыхания не было. Сердца остановились. Мы убедились. Ошибки быть не могло.

Он помедлил и добавил твёрдо:

– Это точно.

Тишина в подвале стала плотной, почти вязкой. Священник медленно опустил посох. Ярость сошла с его лица – будто её стерли. Вместо неё появилось нечто иное.

Тихий, неподдельный ужас. Его губы побелели.

– …Ведьмы, – прошептал он.

Он медленно перекрестился, будто защищаясь от самой мысли.

– Это их мерзкие чары… Они осквернили детские души… – голос дрожал. – И дьявол вдохнул в них жизнь. Воскресил их.

Он резко поднял взгляд на охотников – теперь уже не с яростью, а с паникой.

– Теперь у нас проблемы. Большие проблемы.

Он зашагал по подвалу, будто зверь, запертый в камне.

– Если это станет известно народу… – пробормотал он. –

Если хоть одна душа узнает, что дети исчезли после обряда… Салем взорвётся. Люди поднимутся. Паника, слухи, сомнения… Они начнут задавать вопросы. А вопросы – опаснее ведьм.

Он остановился.

– Поэтому действовать нужно тихо. Осторожно.

Без шума.

Священник поднял палец, словно читая проповедь.

– Девочек нужно найти. Немедленно. И сжечь. Не судить. Не допрашивать. – Его голос стал ледяным. – Огонь – единственное, что способно сломить ведьминские чары. Иначе их сила будет расти.

Он тяжело выдохнул.

– Ведьмы не стали бы показывать такую мощь без причины. Это значит… – он медленно произнёс, – что она рядом.

– Алая ведьма, – тихо сказал один из охотников.

Йонис кивнул.

– Их королева. Они чувствуют её силу. Чувствуют, что время пришло. Потому и вылезают наружу после стольких лет тишины.

Он сжал посох так, что пальцы побелели.

– Мы не справимся своими силами.

Священник поднял голову, и в его глазах мелькнула решимость, смешанная со страхом.

– Пошлите за ним, – произнёс он тихо.

Охотники напряглись.

– За кем, святой отец?

Йонис на мгновение замолчал, будто взвешивая последствия. Затем произнёс имя – почти шёпотом, но оно прозвучало в подвале громче крика:

– Зэйд Блейк.

Один из охотников резко выдохнул.

– Вы уверены?.. – спросил он осторожно. – Его методы…

– Мне плевать на методы, – отрезал Йонис. – Мне нужен результат.

Он сжал посох.

– Если алая ведьма действительно близко… если ведьмы начали показывать свою силу после стольких лет молчания… – его голос стал глухим, – значит, Зэйд Блейк – единственный, кто сможет их остановить.

Он обвёл взглядом пустую камеру.

– Найдите девочек. Тихо. Без шума. Народ не должен знать ничего.

– А когда найдём… – он сделал паузу, – сжечь.

Священник поднялся по каменным ступеням медленно, тяжело, будто каждый шаг давался ему с усилием. За спиной остался подвал – пустой, холодный, осквернённый. Он не оглядывался. Он знал: если оглянется, страх возьмёт верх. В церкви было полутемно. Тонкие лучи света пробивались сквозь узкие окна, ложились на каменный пол, но не грели. Воздух был густым от ладана и тревоги. Йонис уже собирался пройти к выходу, накинуть плащ и покинуть храм, когда

услышал быстрые шаги.

– Отец Йонис!

Голос сорвался на крик.

Из бокового прохода к нему подбежала Мэри – мать девочек. Лицо её было истерзано страхом: покрасневшие глаза, спутанные пряди волос, платок съехал с плеч. Она почти упала перед ним, вцепившись пальцами в его рукав, словно в последнюю опору.

– Прошу вас… – задыхаясь, заговорила она. – Скажите мне… как они? Как мои девочки? Я молилась… Я слышала крики… мне показалось… – голос её сломался. – Они живы?

Йонис резко остановился. На мгновение в его глазах мелькнуло раздражение – острое, нетерпеливое. Он осторожно, но решительно освободил свой рукав из её дрожащих пальцев.

– Успокойся, женщина, – холодно сказал он. – Твоя тревога сейчас лишь мешает.

– Но… отец… – Мэри снова шагнула к нему. – Я мать… я имею право знать…

Он отмахнулся, словно от надоедливой мухи.

– Положение твоих дочерей тяжёлое, – произнёс он ровным, выверенным голосом. – Слишком тяжёлое, чтобы тревожить их лишними слезами и вопросами.

Она побледнела.

– Что… что это значит?

– Это значит, – продолжил Йонис, – что требуется прове-

сти ещё несколько обрядов. Долгих. Сложных. – Он чуть понизил голос, придавая словам вес. – Пока что девочки останутся здесь, в стенах храма. Под защитой Господа.

Мэри прижала ладони к груди.

– Я могу быть рядом? Хотя бы видеть их…

молиться возле них…

– Нет, – отрезал он.

В его голосе не было ни капли сочувствия.

– Твоё присутствие сейчас недопустимо. Страх ослабляет тебя и дьявол может вселиться и в твою душу. Ты должна уйти. И довериться церкви.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, полными ужаса и надежды одновременно.

– Но вы же… вы же скажете мне, когда станет лучше? – прошептала она.

Йонис уже отвернулся, накидывая плащ.

– Когда Господь сочтёт нужным, – бросил он через плечо. – Ступай домой. Молись. И не задавай лишних вопросов.

Не дожидаясь ответа, он быстрым шагом направился к выходу. Тяжёлая дверь церкви захлопнулась за ним с глухим эхом. Мэри осталась одна посреди холодного храма. Она медленно опустилась на колени, сжимая пальцами подол платья. В груди росло чувство, которому она не могла дать имени – не просто страх… предчувствие.

Глава9

Я вышла из дома, когда ночь уже окончательно сомкнула над Салемом своё тёмное крыло. Город спал – или лишь делал вид. Узкие улочки тонули в тени, окна были плотно закрыты, и только редкие огоньки свечей дрожали за ставнями, будто сами боялись быть замеченными. Воздух был холодным, влажным, пропитанным запахом моря, гари и старых грехов, которые этот город предпочитал не вспоминать вслух. Я плотнее запахнула тёмный плащ и пошла, стараясь ступать тихо. Каждый мой шаг отдавался в голове слишком громко. Я оглядывалась на каждую тень, на каждое движение воздуха, на каждый шорох – сердце билось так, словно пыталось вырваться из груди. Будь осторожна, – звучал в памяти голос Гедиона. Мысли рвали меня изнутри. Мне было страшно. И… стыдно. Стыдно за то, что я не приехала раньше. Я снова и снова прокручивала в голове один и тот же вопрос: а если бы я была здесь раньше? Если бы я не медлила, не откладывала путь, не убеждала себя, что у меня ещё есть время… Возможно, что-то можно было изменить. Возможно, дядя был бы жив. Теперь же я осталась совсем одна. Эта мысль давила сильнее ночной тьмы. Я думала о нём – о человеке, который был добрейшей души. Он никогда не повышал голоса, никогда не желал зла, всегда верил в людей, даже когда те этого не заслуживали. Кто мог поднять на него

руку? За что? Что он мог знать или сделать такого, чтобы за это убивали? Ответов не было. Только холод внутри.

Я почти дошла до дома Гедиона. Силуэт его дома уже угадывался впереди – маленький, одинокий, стоящий близ старой часовни, словно сам сторонился города. Я ускорила шаг, желая поскорее оказаться у двери, под крышей, среди ответов… И вдруг – шорох. Я резко остановилась. Звук донёсся из кустов у дороги. Тихий. Неровный. Будто кто-то шевелился… или прятался. Моё сердце ухнуло вниз. А затем я услышала плач. Сдавленный, надломленный, больше похожий на всхлип, на детский голос. Во мне вспыхнула паника. Первая мысль была – бежать. Развернуться и исчезнуть в темноте, как будто этого звука никогда не существовало. Гедион предупреждал меня. Ночь – не время для сострадания. Ночь в Салеме принадлежит опасности. Я уже сделала шаг назад. Но что-то удержало меня. Любопытство? Или глупая, упрямая вера, что не всё вокруг – зло?

Я стояла, дрожа, сжимая края плаща, и смотрела на тёмные кусты, откуда доносился плач. Тени там казались гуще, чем вокруг, словно ночь специально сгущалась, скрывая то, что не хотела показывать.

Только взглянуть, – сказала я себе. – Лишь на мгновение.

С замирающим сердцем я сделала шаг вперёд, не зная, что именно ждет меня в этой тьме – ответ… или начало нового кошмара. Я раздвинула ветви дрожащими руками и шагнула вглубь кустов. И тогда увидела их. Две маленькие девоч-

ки сидели на сырой земле, прижавшись друг к другу. Грязные, измождённые, в разорванных платьицах, слишком тонких для ночного холода. Они дрожали – не только от стужи, но от страха, въевшегося в них глубже кожи. Та, что была поменьше, вжималась в старшую, уткнувшись лицом ей в плечо, и тихо плакала, почти беззвучно, будто боялась, что даже слёзы могут выдать их. У меня перехватило дыхание.

– Господи… – вырвалось у меня шёпотом.

Я сделала шаг ближе и медленно присела на корточки рядом с ними, стараясь быть как можно тише, как можно мягче – словно одно неверное движение могло разрушить их окончательно.

– Что с вами случилось? – спросила я, и голос мой дрогнул. – Вы… вы потерялись?

Девочки не ответили.

Они смотрели в одну точку перед собой, будто меня вовсе не существовало.

– Вам нужна помощь? – продолжила я, чувствуя, как сжимается сердце. – Где ваши родители? Я могу отвести вас домой…

Молчание. Густое. Непроницаемое. Мне стало понастоящему страшно – не от них, а за них. В груди разлилась боль, такая острая, что хотелось плакать вместе с той, что всхлипывала, вжимаясь в сестру. Что же с вами сделали? – мелькнула мысль. Через что вы прошли? Я больше не могла просто смотреть. Я протянула руку – медленно, осторожно – к той,

что была ближе, желая лишь коснуться её плеча, согреть, убедить, что я не приченю им вреда… И в тот же миг всё изменилось. Их глаза вспыхнули алым светом. Я замерла. Девочки перестали дрожать. Их тела застыли, словно окаменели. Плач оборвался мгновенно, будто его никогда и не было. А потом та, что была старше, подняла голову. Её губы раскрылись – и из них раздался голос. Не детский. Глухой.

Глубокий. Чужой. Скрипучий.

– Беги из Салема. Сейчас же.

Кровь отхлынула от моего лица.

Я не могла пошевелиться. Я не могла вдохнуть.

– Я… – прошептала я, не узнавая собственного голоса.

– Не доверяй никому. – Алый свет в её глазах стал ярче.

Я вскрикнула – против своей воли, от ужаса и неожиданности. Ноги подкосились, и я упала назад, больно ударившись о землю, попятилась, отползая от них, не в силах отвести взгляд.

– Что…что… – шептала я, задыхаясь.

И в этот момент —

– Виктория?

Голос раздался совсем рядом. Шаги. Быстрые.

Тяжёлые.

– Виктория!

Я моргнула – и девочки резко пришли в себя. Алый свет исчез, будто его никогда не было. Они вздрогнули, словно очнувшись от дурного сна, и, не глядя на меня, вскочили

на ноги. И побежали. Молча. Быстро. Растворяясь в темноте между деревьями. Я осталась одна. Лежа на холодной земле, дрожа всем телом, с колотящимся сердцем и ощущением, будто сама ночь только что прошептала мне приговор.

Глава10

Кто-то резко схватил меня за плечо. Я вздрогнула всем телом и резко обернулась, готовая закричать – но звук так и не сорвался с губ.

– Тише… – прозвучал низкий голос.

Это был Гедион. Он стоял совсем рядом, нахмуренный, напряжённый, будто появился из ниоткуда. Его рука всё ещё лежала у меня на плече – тяжёлая, настоящая. Я только сейчас поняла, что сидела на земле. Колени дрожали, дыхание сбилось, а в голове всё ещё гудело, словно после сильного удара.

– Что случилось? – спросил он тихо, но в этом спокойствии чувствовалась тревога. – Ты резко остановилась. Я окликнул тебя, а ты будто… не слышала.

Я смотрела на него несколько секунд, не в силах сразу ответить. Перед глазами всё ещё стояли обрывки образов – неясных, смазанных, словно чужой сон, в который меня втянули без моего согласия. Детские лица? Или мне показалось? Туман? Свет? Я сама не могла бы объяснить, что именно видела – и видела ли вообще.

– Ничего, – наконец сказала я и медленно покачала головой. – Просто… закружилась голова.

Это была не совсем ложь, но и правдой тоже не являлось. На мгновение мне захотелось рассказать ему всё.

Сказать, что мне почудилось нечто странное, пугающее, неправильное. Что мне показалось, будто я увидела что-то, чего видеть не должна. Но почти сразу в голове возникла другая мысль – холодная и разумная: А если я и правда всё это придумала? Если это лишь игра усталого разума? Я сама не была уверена в том, что произошло. А значит – как я могла требовать, чтобы мне поверили? Гедион продолжал смотреть на меня слишком внимательно.

– Ты бледная, – сказал он. – И трясёшься.

Я попыталась подняться, но ноги подвели. В следующий миг он подхватил меня за локоть и помог встать. Его движения были уверенными, почти привычными, будто он уже не раз ловил людей в подобном состоянии.

– Всё в порядке, – сказала я тише, чем собиралась.

Он не ответил сразу. Вместо этого спросил другое – и от его вопроса по спине пробежал холод.

– За тобой кто-нибудь шёл?

Я замерла. Я прислушалась к себе, к памяти последних минут. Было ощущение… странное, липкое, будто за мной кто-то наблюдает. Но ощущение – не доказательство.

– Нет, – ответила я после короткой паузы. – Я никого не видела.

Он кивнул, но по его лицу было видно – он не до конца удовлетворён ответом.

– Всё равно будь внимательна, – сказал он. – Здесь лучше не останавливаться надолго.

Мы пошли дальше. Дом Гедиона показался впереди – тёмный, стоящий особняком, словно нарочно отдалённый от остальных. В окнах горел тусклый свет. С каждым шагом мне становилось немного легче – будто этот дом был временной границей между мной и тем, что скрывалось в ночи.

Мы вошли в дом Гедиона, и он сразу же закрыл за нами дверь, плотно, почти слишком тщательно – так, будто хотел отрезать всё, что осталось снаружи. Замок щёлкнул глухо, уверенно. Этот звук почему-то подействовал на меня успокаивающе. Внутри было тепло. Дом оказался небольшим, но крепким, выстроенным без излишеств – как жилище человека, привыкшего к морю и одиночеству. Полы из тёмного дерева были тщательно выскоблены, без ковров, только у входа лежала грубая тканая дорожка. В воздухе стоял запах сухих трав, древесины и соли – будто море всё равно находило способ проникнуть сюда. У стены висели морские карты, потемневшие от времени, аккуратно прибитые гвоздями. Рядом – компас в латунной оправе, старый, но явно дорогой хозяину. На одной из полок стояли стеклянные бутылки с прозрачной и янтарной жидкостью, связки трав, мотки верёвок и несколько свечей разной толщины. В центре комнаты находился массивный деревянный стол, потёртый, но чистый. Над ним висела масляная лампа, дававшая мягкий, жёлтый свет. Он не резал глаза и не отбрасывал резких теней – наоборот, делал комнату почти уютной, будто здесь не было места страху.

– Садись, – сказал Гедион мягче, чем прежде, и указал на скамью у стола. – Тебе нужно присесть.

Я и правда дрожала. Только сейчас, в тепле, это стало особенно заметно – мелкая дрожь пробегала по рукам, по плечам, по всему телу. Он поставил на стол чайник и две глиняные кружки.

– Купцы с материка привезли, – продолжил он, суетясь у очага. – Хороший чай. Редкий. Успокаивает, снимает тревогу. Тебе сейчас это необходимо.

Он бросил в чайник пригоршню сушёных листьев, залил их кипятком. Тонкий, незнакомый аромат быстро заполнил комнату – тёплый, чуть сладковатый, с горьковатой ноткой. От него действительно становилось легче дышать.

– Выпей, – сказал он, ставя кружку передо мной. – Ты вся дрожишь.

Я послушно села за стол, обхватила кружку ладонями. Тепло сразу разлилось по пальцам, но внутри всё равно жгло нетерпение. Я сделала глоток – чай оказался мягким, обволакивающим, будто укладывал нервы на место.

– Гедион, – сказала я почти сразу, не выдержав паузы. – Что дядя хотел мне передать?-Я подняла на него взгляд. – В чём тайна? Что это за секрет?

Он замер на мгновение, спиной ко мне. Я увидела, как его плечи напряглись. Потом он снова задвигался – слишком резко, слишком суетливо. Он разлил чай во вторую кружку, пролив несколько капель на стол.

– Не торопись, – сказал он, не глядя на меня. – Пей чай. Тебе нужно успокоиться.

– Я спокойна, – ответила я, хотя это было не совсем так. – Я хочу знать правду.

Он тяжело выдохнул, будто прощался с чем-то внутри себя.

– Я всё расскажу, – наконец произнёс он. —Пей чай. А я пока принесу то, что должен был передать тебе Томас.

Он поставил свою кружку, быстро вытер руки о ткань и направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Поднимаясь, он ни разу не обернулся. Я осталась одна. Я сделала ещё один глоток и почувствовала, как тело постепенно расслабляется – слишком быстро, непривычно мягко. Тепло разливалось по груди, по животу, по ногам. Мысли словно становились тише. Пока Гедион поднимался наверх, я начала оглядывать комнату внимательнее. Мой взгляд скользил по стенам, по картам, по полкам… и вдруг задержался на одной детали. Среди морских принадлежностей лежала небольшая шкатулка – тёмная, резная, явно старая. Она выбивалась из общей обстановки. Это была не вещь моряка. Это была вещь, которую берегут. Я не знала почему, но внутри у меня снова кольнуло тревогой.

Сверху доносились шаги. Гедион ходил по второму этажу туда-сюда – я слышала это отчётливо. Половицы скрипели под его весом, шаги останавливались, затем снова начинались, будто он никак не мог решиться. Прошла минута. По-

том ещё одна. Я допила чай до половины и поставила кружку на стол. Тепло внутри стало вязким, тяжёлым. Он всё не спускался.

– Гедион? – позвала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Ответа не было. Шаги наверху продолжались – медленные, настойчивые, нервные. Меня кольнуло странное беспокойство. Я опёрлась ладонями о стол и попыталась встать. И в этот момент тело перестало слушаться. Ноги будто налились свинцом. Колени подогнулись, и мир резко поехал в сторону. Я не успела даже вскрикнуть – просто рухнула на пол, больно ударившись боком. Дыхание перехватило. Пальцы не слушались, руки дрожали, но не подчинялись воле.

– Что… что со мной происходит?.. – пронеслось в голове с ледяным ужасом.

Я попыталась пошевелиться – бесполезно. Тело было ватным, тяжёлым, словно меня придавило невидимой плитой. Я открыла рот и закричала – громко, отчаянно, не разбирая слов.

– Помогите! – вырвалось у меня. — Пожалуйста… кто-нибудь!

Я звала не конкретного человека – я звала сам воздух, стены, ночь за окном. Страх захлестнул с головой. И тогда шаги наверху прекратились. Раздался скрип лестницы. Гедион спускался медленно, не спеша. Я слышала каждый его шаг – уверенный, спокойный, совершенно не похожий на преж-

нюю суету. Он появился в проёме, и лампа выхватила его лицо из полумрака. Он улыбался. Мягко. Почти ласково. И одновременно – так, что от этой улыбки по коже побежал холод. В его глазах не было удивления. Не было тревоги. Только удовлетворение. Он подошёл ближе, остановился рядом со мной и наклонил голову, разглядывая меня так, будто проверял, правильно ли сработал механизм.

– Теперь, – сказал он спокойно, – я вижу, что ты действительно успокоилась.

Его голос был ровным, тёплым. Почти заботливым.

А я лежала на полу, не в силах пошевелиться.

Глава11

– Что ты сделал со мной?! – закричала я, и мой голос сорвался на хрип. Страх и ярость смешались во чтото дикое, неконтролируемое. – Что ты со мной сделал?!

Гедион ухмыльнулся. Не резко, не грубо – наоборот, почти лениво, как человек, который наконец перестал притворяться.

– Ничего такого, – спокойно ответил он, – что могло бы тебе сильно навредить.

Он выпрямился, сцепил руки за спиной и посмотрел на меня сверху вниз.

– Зря, – добавил он после паузы. – Очень зря ты вернулась в Салем, дорогуша.

Меня будто ударило.

– Это ты… – выдохнула я, чувствуя, как горло сжимается. – Это ты убил моего дядю?!

Слова вырвались сами собой.

– Почему? За что?! – я почти задыхалась. – Я ничего не понимаю… Что вообще происходит?!

Гнев схлынул так же резко, как и появился. На его место пришло отчаяние – липкое, парализующее, хуже любого яда. Я лежала на полу, беспомощная, как пойманное животное. Гедион медленно зашагал по комнате. Его шаги были размеренными, почти задумчивыми. Он не смотрел на меня, буд-

то я уже перестала быть главным в этом разговоре.

– Скажи мне, Виктория, – произнёс он наконец, – ты хоть что-нибудь знала о своей матери?

Я нахмурилась, пытаясь осмыслить вопрос.

– О чём ты говоришь?.. – прошептала я. – При чём здесь моя мать?

Он усмехнулся, не останавливаясь.

– Она не просто так бежала из Салема, – сказал он. – И не просто так забрала тебя с собой. Это было не спонтанное решение. Это было бегство.

Сердце забилось быстрее.

– О чем ты, – сказала я, но голос прозвучал слабо, неуверенно.

Гедион остановился и посмотрел на меня впервые по-настоящему внимательно.

– А ты что-нибудь знаешь о ведьмах, Виктория?

– Это всё глупости, – резко ответила я. —

Страшилки для детей. Байки, которыми пугают по вечерам.

Он рассмеялся. Громко. Искренне. Так, что смех эхом отразился от стен и заставил меня вздрогнуть.

– Мне очень жаль, – сказал он, всё ещё улыбаясь, – что ты так думаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.